
МАРИЯ ШЕФЕР
СЕРДЦЕ ПОМНИТ ТЕБЯ
ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА · КНИГА 1
18+

Мария Шефер
Сердце помнит тебя

https://litres.ru/74750869
SelfPub; 2026

Аннотация

- Здравствуй, Оля. Давно не виделись.

Пять лет назад я ушла от мужа, увидев то, что невозможно простить. Ушла, не сказав главного: я жду ребёнка.

Теперь у меня есть сын, который спрашивает, приедет ли папа на его день рождения. И одно правило: никогда больше не подпускать к себе Ледовских.

Но холдинг бывшего мужа покупает бюро, в котором я работаю. Сергей Ледовский становится моим боссом, а его невеста заказывает мне дом для их свадьбы. Откажусь - моя группа останется без работы. Соглашусь - три месяца буду выбирать мрамор для женщины, которая разрушила мой брак.

Только бы он не увидел мальчика с упрямым подбородком Ледовских.

Потому что голова давно всё забыла. А сердце помнит.

Содержание

Мария Шефер 4
Глава 1. Новый владелец 5
Глава 2. Сделка 19
Глава 3. Заказ 32
Глава 4. Чужой дом 44
Глава 5. Помолвка 53
Глава 6. Почти 63
Глава 7. Ночь над эскизами 74
Конец ознакомительного фрагмента. 81

Мария Шефер
Сердце помнит тебя

Мария Шефер
Сердце помнит тебя
Серия "Золотая клетка". Книга 1

Глава 1. Новый владелец

Оля

- Мам, а экскаваторы спят?

Я как раз пыталась одной рукой застегнуть Диме куртку, а другой найти в сумке ключи. Ключи, как всегда, провалились куда-то между папкой с образцами ткани и пачкой влажных салфеток.

- Спят, - сказала я. - Ночью. Как все нормальные люди.

- А Бульдоша не спал. - Сын с упрёком посмотрел на жёлтый экскаватор, зажатый под мышкой. - Он всю ночь копал.

- Тогда пусть поспит в садике, в тихий час.

- Он не хочет в садик. Он хочет с тобой на работу. Он тоже дизайнель.

Я наконец нащупала ключи, выпрямилась и поцеловала сына в макушку. Тёмные волосы, тёмные глаза, упрямый подбородок, который он выставлял вперёд каждый раз, когда собирался спорить. Четыре года и пять месяцев. Иногда, глядя на него, я забывала дышать. Не от умиления - от того, насколько он был похож.

Не думать. Только не с утра.

- Дизайнер, - поправила я. - И Бульдоше на работу нельзя:

у нас там важные дяди и тёти, они пугаются экскаваторов.

- Почему?

- Потому что экскаваторы сносят дома, а мы их строим.

Дима обдумал это с очень серьёзным лицом и вынес вердикт:

- Тогда Бульдоша будет строить.

- Договорились. Обувайся, строитель. Мы опаздываем.

Мы опаздывали всегда. За пять лет я так и не научилась успевать вовремя, хотя честно пыталась: заводила будильник на шесть, гладила одежду с вечера, складывала Димины вещи в рюкзак ещё до ужина. Но утро в нашей маленькой "двушке" на окраине каждый раз превращалось в забег с препятствиями. То пропадал второй носок, то Бульдоше требовалось срочно "выкопать" что-то из-под дивана, то я обнаруживала, что молоко закончилось, а кофе я себе не варила с прошлого понедельника.

Сегодня я налила в термос чай с лимоном. Кофе был для совсем тяжёлых дней. Сегодня, судя по слухам, день обещал быть именно таким, но кофе в доме всё равно не было.

В лифте Дима прижался ко мне, обнял Бульдошу и вдруг спросил:

- Мам, а папа приедет на мой день рождения?

Лифт ехал медленно. Шестой, пятый, четвёртый. Я смотрела на цифры, будто от них что-то зависело.

- Папа живёт очень далеко, зайка. И он очень занят.

- Я знаю. - Сын вздохнул совсем по-взрослому. - Поэтому

я ему уже нарисовал экскаватор. Самый большой. И положил тебе в папку.

- В папку?

- Ну да. Ты же говоришь, папа всё время на работе. А ты тоже всё время на работе. Значит, вы на одной работе. Вдруг ты его там встретишь? Тогда отдашь.

Детская логика. Безупречная и беспощадная.

Я сглотнула и улыбнулась. Улыбаться я научилась хорошо. Это было первое, чему я научилась пять лет назад, когда поняла, что плакать больше некогда.

- Хорошо, - сказала я. - Если встречу - отдам.

Самое безопасное обещание в моей жизни. Сергей Ледовский жил в другом мире - где ездят с водителем, обедают с видом на Кремль и женятся на дочерях партнёров. Наверное, он давно женат на Карине Вишневской, дочери отцовского партнёра. Его отец всегда этого хотел. Я не проверяла. Наши миры не пересекались, и я пять лет очень внимательно за этим следила.

Двери лифта открылись. Я взяла сына за руку, и мы вышли в сырое октябрьское утро.

* * *

Садик был через два двора. Воспитательница Марина Сергеевна приняла у меня Диму, Бульдошу и рюкзак, привычно не заметив, что я снова влетела за минуту до закры-

тия группы. Дима помахал мне из окна. Я помахала в ответ, развернулась и побежала к метро.

Бюро "Северный свет" занимало три этажа в бизнес-центре на Новослободской. Когда я пришла туда три с половиной года назад - рядовым дизайнером, без связей и рекомендаций (Диме тогда едва исполнился год), - нас было восемьдесят человек и одна кофемашина на этаж. Теперь - сто пятьдесят, своя мастерская, отдел комплектации и репутация, о которой в Москве говорили с уважением. Мы проектировали дома и квартиры и делали в них ремонт под ключ - от первого эскиза до последней подушки на диване. Я начинала с того, что подбирала заказчикам дверные ручки, а теперь вела собственную группу: шесть человек, восемь проектов одновременно и ипотека, которая не давала забыть, почему всё это важно.

В лифте бизнес-центра было тихо. Слишком тихо для понедельника.

В коридоре нашего этажа - ещё тише.

Обычно в это время здесь кто-то ругался с поставщиками, кто-то спорил о цвете затирки, а из переговорной доносился смех менеджеров. Сегодня люди стояли маленькими группками у кулеров и говорили вполголоса. Когда я проходила мимо, разговоры замолкали, а потом возобновлялись за моей спиной.

Плохой знак.

Лена Кравец перехватила меня прямо у двери нашего ка-

бинета. В одной руке у неё была кружка, в другой - телефон, а на лице выражение человека, который принёс новость и сейчас взорвётся, если немедленно её не расскажет.

- Наконец-то! - Она втащила меня внутрь и закрыла дверь. - Ты почему трубку не берёшь?

- Я была в метро. Что случилось? Нас всех увольняют?

Я сказала это в шутку. Лена не засмеялась.

- Почти. - Она поставила кружку прямо на мои эскизы, и я машинально сдвинула её на подставку. - Нас купили.

- В смысле - купили?

- В прямом. Аркадий Борисович продал бюро. Целиком. Сделку закрыли в пятницу вечером, а сегодня в одиннадцать - общее собрание руководителей групп с новым владельцем.

Я медленно села в кресло.

Аркадий Борисович Левин основал "Северный свет" двадцать лет назад. Он знал всех сотрудников по именам, помнил дни рождения, а мне полтора года назад сам предложил возглавить группу - после того как заказчица, известная телеведущая, отказалась работать с кем-то, кроме "той девочки, которая нарисовала мне кухню на салфетке". Аркадий Борисович говорил, что бюро - его ребёнок. Детей не продают.

- Кто купил? - спросила я.

- Вот тут самое интересное. - Лена понизила голос, хотя мы были одни. - Строительный холдинг. Огромный. Им нужно своё бюро, чтобы проектировать и отделывать их жи-

лые комплексы и коттеджные посёлки. Говорят, они скупают подрядчиков пачками. А потом половину сокращают.

- Половину, - повторила я.

- Это пока только слухи. Но Вадик из бухгалтерии уже ищет вакансии, а Марина из комплектации плачет в туалете.

Я посмотрела на стену над своим столом. Там висели фотографии наших проектов - квартира на Патриарших, дом в Жуковке, детская, которую мы сделали для мальчика с аллергией, где каждый материал проверяли трижды. И фото моей группы на новогоднем корпоративе: шестеро смешных, уставших, бесконечно талантливых людей в бумажных коронах. Настя, которая только вышла замуж. Кирилл, у которого жена в декрете. Тимур, который снимает комнату с двумя соседями и копит на свою.

Если сократят половину, мои ребята окажутся первыми в списке. Группы, у которых проекты в процессе, всегда режут первыми - их проще всего передать.

И меня.

Ипотека. Садик. Мама, которой я каждый месяц отправляла деньги на лекарства, хотя она ругалась и говорила, что справится сама. Счёт в банке, на котором было ровно столько, чтобы прожить два месяца, если очень экономить.

Я закрыла глаза, глубоко вдохнула и выдохнула.

- Я справлюсь, - сказала я вслух. - Я всегда справляюсь.

- Знаю, - тихо ответила Лена. - Поэтому на собрание идёшь ты, а не я. Если кто-то и сможет убедить нового хозя-

ина, что наша группа ему нужна, то это ты.

- Как называется холдинг?

Лена открыла рот - и тут у меня в кармане завибрировал телефон. Прораб с Остоженки.

- Ольга Андреевна, - сказал он голосом человека, который стоит на краю крыши. - Она опять передумала насчёт затирки. В третий раз. Или вы сейчас приезжаете, или я ухожу, и пусть она сама кладёт свою плитку.

Я посмотрела на часы. Без двадцати десять. До собрания - час двадцать. До Остоженки - двадцать минут.

- Еду, - сказала я. - Держитесь, Палыч. Ничего не трогайте.

- В одиннадцать! - крикнула мне вслед Лена. - И надень костюм!

Двери лифта закрылись раньше, чем я успела ещё раз спросить про холдинг.

* * *

На Остоженке я провела сорок минут. Держала заказчицу за руку, а прораба - за рукав. Пока они спорили, я рисовала на салфетке из кофейни. Не затирку. Лестницу с широкими ступенями. Высокие окна. Оранжерею со стеклянной крышей, где можно пить чай под дождём.

Дом, которого не существует. Я рисую его, когда нервничаю. Уже пять лет.

Салфетку я, не глядя, сунула в папку. Там между сметами

лежал сложенный вчетверо альбомный лист - Димин экскаватор. Разворачивать его я не стала. Не здесь. Не сейчас.

Затирка победила в десять сорок. В десять сорок одну я поняла, что не успеваю, и побежала к метро.

* * *

В бюро я влетела в одиннадцать ноль семь.

В джинсах, сером свитере и кедах. С пятном строительной пыли на колене. Без макияжа - веснушки во всей красе. Мой единственный приличный костюм, тёмно-синий, купленный на распродаже как раз для таких случаев, висел в шкафу у меня в кабинете. "Надень костюм", - сказала Лена. До кабинета было два коридора. До переговорной - один.

- Большая переговорная! - зашипела администратор Юля, округлив глаза. - Все уже там!

Я выбрала переговорную.

За стеклянной стеной было видно всех: руководители групп и отделов сидели за длинным столом из светлого дуба. Этот стол я когда-то сама выбирала для бюро. Аркадий Борисович сидел не во главе, как всегда, а сбоку - осунувшийся, постаревший за выходные лет на десять. Рядом с ним - молодой мужчина в очках с планшетом и двое юристов в одинаковых серых костюмах. А кресло во главе стола было развёрнуто к экрану. Мне была видна только высокая спинка и мужская рука на подлокотнике.

Единственный свободный стул - прямо рядом с этим креслом. Конечно.

Аркадий Борисович что-то говорил. Все слушали, затаив дыхание.

Я тихо открыла дверь.

Дверь скрипнула. Я полгода просила завхоза её смазать.

Все головы повернулись ко мне. Я виновато улыбнулась, прижала палец к губам - простите, простите, меня здесь нет - и стала пробираться вдоль стены к свободному стулу.

Ремешок сумки зацепился за спинку чужого кресла.

Сумка дёрнулась. Папка выскользнула у меня из-под локтя - и раскрылась в воздухе, как птица.

Эскизы, образцы ткани, распечатки смет - всё это красиво, почти торжественно разлетелось по светлому паркету. Салфетка с домом плавно опустилась прямо к главному креслу.

А рядом с ней, развернувшись в полёте, приземлился альбомный лист. Рисунком вверх. Жёлтый экскаватор с ковшом размером с дом. Три человечка - большой, поменьше и совсем маленький. И сверху печатными буквами, которые мы учили всё лето, кривовато и очень старательно:

"ПАПЕ".

Я не думала. Я просто упала на колени - в пыльных джинсах, на светлый паркет, под чей-то сдавленный вздох.

Кресло во главе стола медленно повернулось.

Мужская рука опустилась и подняла салфетку.

На запястье были часы. Простые, стальные, с тёмно-синим циферблатом. На задней крышке - я знала это, хотя отсюда было не видно, - гравировка: "С. Навсегда. О.".

Я купила эти часы на свою первую премию. Копила полгода.

Моя ладонь накрыла рисунок - ровно там, где были кривые печатные буквы. В пяти сантиметрах от его ботинка.

Я подняла голову.

Он смотрел на салфетку. Потом - на меня.

Пять лет я представляла эту встречу. Не хотела - а представляла. Ночью, когда Дима болел и я сидела рядом с градусником. В метро, когда видела похожий затылок. В магазине, когда кто-то за спиной смеялся похожим смехом. Я придумала сто вариантов. В каждом я была в красивом платье, с идеальной укладкой и холодной улыбкой. В каждом я проходила мимо, не оборачиваясь.

Ни в одном из них я не стояла перед ним на коленях в пыльных джинсах.

Он почти не изменился. Только стал жёстче. Резче скулы, твёрже линия рта, на висках - несколько серебряных нитей, которых раньше не было. Тонкий шрам на подбородке - тот, что остался с детства, с драки за младшего брата. Я когда-то целовала этот шрам и знала про него всё.

Его глаза - тёмные, почти чёрные. Раньше в них всегда пряталась улыбка, особенно когда он смотрел на меня. Сейчас там не было ничего. Гладкий тёмный лёд.

- Кажется, это ваше, - сказал он и протянул мне салфетку.

Голос. Низкий, чуть хрипловатый. Спокойный.

Я взяла салфетку. Наши пальцы не соприкоснулись - он держал её за самый край, будто нарочно.

- Красивый дом, - ровно произнёс он. - Чей?

- Ничей, - выдохнула я. - Его не существует.

Что-то мелькнуло в его взгляде. Так быстро, что я не успела понять - что.

- Ольга Андреевна! - Аркадий Борисович наконец пришёл в себя и привстал. - Сергей Викторович, это Ольга Андреевна Соколова, руководитель одной из наших лучших групп, я вам о ней…

- Я знаю, кто это, - перебил он, не отводя от меня глаз. И после паузы, такой короткой, что её заметила, наверное, только я, добавил: - Я читал портфолио.

И отвернулся, будто меня больше не было.

Я собрала бумаги. Руки дрожали так, что я дважды уронила одну и ту же смету. Рисунок спрятала в середину папки, между двумя эскизами, и прижала папку к груди. Села на единственный свободный стул.

В полуметре от него.

Сергей Викторович Ледовский.

Строительный холдинг. Огромный. Скупает подрядчиков пачками.

"Ледовский групп".

Господи, какая же я дура. Я ведь так и не узнала у Лены

название. Пять лет я обходила стороной всё, что было связано с этой фамилией: переключала канал, когда в новостях мелькал их логотип, пролистывала деловые статьи, объезжала их башню на Пресне, даже если это лишние двадцать минут. Я построила вокруг себя и Димы целую стену из "не думать", "не смотреть", "не вспоминать".

А он просто купил эту стену. Вместе с бюро.

Дима.

Мысль ударила так, что у меня похолодели пальцы. На моём столе в кабинете стояла фотография в рамке: Дима с Бульдошей на детской площадке, смеётся во весь рот. Тёмные волосы. Тёмные глаза. Упрямый подбородок.

Любой, кто видел Сергея Ледовского в четыре года, посмотрит на это фото и…

Спокойно. Генеральные директора огромных холдингов не ходят по кабинетам руководителей групп. Он скажет речь и уедет. А фотографию я сегодня же унесу домой.

Он говорил - коротко и спокойно. Что холдингу нужно сильное проектное бюро. Что "Северный свет" сохранит название и команду. Что в течение месяца будет проведён аудит всех текущих проектов. Что каждую группу он будет смотреть лично.

- По итогам аудита, - сказал он, - будут приняты необходимые кадровые решения.

По переговорной прошёл тихий вздох. Кто-то уронил ручку.

Я почти не слышала слов. Я чувствовала его парфюм - тот же самый, кедр и что-то горькое. Пять лет, а он не поменял даже парфюм. Я смотрела на его руки, лежащие на столе. На часы. На то, как он чуть наклоняет голову, слушая вопрос начальника комплектации, - точно так же он слушал меня, когда я в три часа ночи рассказывала ему про свои первые проекты.

Зачем ты их носишь? Зачем ты носишь эти часы, Серёжа?

Он больше ни разу на меня не посмотрел. Ни разу за сорок минут, хотя я сидела так близко, что могла дотронуться до его рукава.

И это было хуже, чем если бы смотрел.

- Вопросы? - наконец спросил он.

Вопросов не было. Все были слишком напуганы, чтобы спрашивать.

- Тогда все свободны. - Он поднялся и застегнул пиджак. - Ольга Андреевна, задержитесь.

Он сказал это между делом. Так говорят "передайте соль".

Все выходили медленно, оглядываясь. Галина Петровна из соседней группы сочувственно сжала мне плечо. Аркадий Борисович на пороге обернулся, открыл рот, будто хотел что-то сказать, - и не сказал. Помощник в очках вышел последним и аккуратно закрыл за собой дверь.

Дверь, конечно, скрипнула.

Тишина.

Он стоял у окна, спиной ко мне, и смотрел на Новосло-

бодскую. Высокий, широкоплечий, в тёмно-сером костюме, который стоил, наверное, как вся моя ипотека. Я сидела рядом с его пустым креслом и не могла пошевелиться.

Я считала удары сердца. Десять. Двадцать. На тридцатом он обернулся.

И сказал очень тихо. Так тихо он говорил, только когда был по-настоящему зол.

- Здравствуй, Оля. Давно не виделись.

А я сидела и прижимала к груди папку, в которой между двумя эскизами лежал детский рисунок с кривыми печатными буквами.

"ПАПЕ".

Глава 2. Сделка

Сергей

Я считал до тридцати.

Этому меня научил отец, когда мне было двенадцать. Прежде чем сказать что-то человеку, которого хочешь уничтожить, досчитай до тридцати. За это время злость остывает и превращается в инструмент.

Метод работал двадцать три года. На переговорах, в судах, в кабинетах чиновников, которые думали, что могут мне отказать.

Я стоял у окна в чужом бюро, смотрел на мокрую Новослободскую и считал. За моей спиной сидела женщина, которая пять лет и одиннадцать дней назад оставила мне на кухонном столе два слова. Дни я не считал. Просто у меня хорошая память на даты.

Тридцать.

Я обернулся и понял, что метод сломался. Ничего не остыло.

- Здравствуй, Оля. Давно не виделись.

Вышло тихо. Она знала, что это значит. Единственный человек на свете, который это знал. Пальцы на папке дрогнули.

Хорошо.

У меня была для неё речь. Пять лет я шлифовал её по ночам, в бассейне, между сороковым и пятидесятым кругом. Отличная речь: короткая, холодная, без единого лишнего слова. В ней я спрашивал, во сколько она оценила наш брак и надолго ли ей хватило этой суммы.

Оля поднялась. Посмотрела мне прямо в глаза - серыми, ясными, теми самыми - и произнесла голосом, которым разговаривают с налоговой:

- Здравствуйте, Сергей Викторович.

И речь кончилась. Вся, целиком, как будто её никогда не было.

Сергей Викторович.

Эта женщина называла меня Серёжей, Ледовским, "вашим мрачным величеством", а однажды в три часа ночи, когда я попытался пожарить ей яичницу и сжёг сковородку, - горем луковым.

- Вот как, - сказал я.

- Вы хотели обсудить мою группу.

Это был даже не вопрос. Она стояла передо мной в пыльных джинсах и сером свитере, перед человеком, который с сегодняшнего утра мог закончить её карьеру одной подписью, и смотрела так, будто это я опоздал на совещание. На семь минут.

Сорок минут она сидела от меня в полуметре, и я ни разу не повернул головы. Самое трудное совещание в моей жиз-

ни. Я говорил про аудит, не помня ни слова, и чувствовал запах лимона и карандашной стружки.

Теперь я мог смотреть.

Она постриглась. Раньше волосы падали ниже лопаток и по утрам лежали на моей подушке. Теперь - короткая стрижка, открытая шея. Веснушки на носу. Она всегда их замазывала, а я всегда просил не замазывать. Сегодня не замазала. Только уже не для меня.

Безымянный палец был пуст. Ни моего кольца, ни чьего-либо ещё.

Это ни о чём не говорило. И я не знаю, зачем посмотрел.

- Вы знали, что я здесь работаю? - спросила она.

Я знал.

Её фамилию я увидел две недели назад, на сорок третьей странице отчёта о проверке бюро. "Соколова О. А., руководитель группы". В Москве, наверное, тысяча таких Соколовых. Я перевернул страницу, дочитал отчёт до конца, вернулся на сорок третью и попросил помощника принести портфолио.

Квартира на Патриарших. Дом в Жуковке. Кухня для какой-то телеведущей. Подписи на чертежах не требовалось: только она ставила окно там, где его никто не ставит, и потом оказывалась права.

У нас был второй кандидат на покупку. Дешевле и сговорчивее. Хватило бы одного звонка.

Я не позвонил. Я сказал себе, что это бизнес: лучшая ре-

путация в сегменте, долги, цена вдвое ниже рынка. Всё это было правдой. И на такие собрания я обычно отправляю юристов. Это тоже было правдой.

- Я читаю то, что подписываю, - сказал я.

- И поэтому вы купили бюро?

- Я купил бюро, потому что оно лучшее в своём сегменте и стоило вдвое меньше рынка. Не льсти себе, Оля.

Первая ложь за сегодняшний день. Что-то подсказывало мне, что не последняя.

Она кивнула - так кивают, когда услышали ровно то, чего ждали.

- Тогда я могу идти? У меня восемь проектов и шесть человек, которые боятся за работу.

Пять лет. Ни "прости", ни "как ты", ни хотя бы "иди к чёрту". Восемь проектов и шесть человек.

И тут я понял, что меня всё это время царапало.

Она боялась.

Оля, которую я знал, не боялась никого: ни прорабов, ни чиновников, ни моего отца, перед которым бледнели министры. А сейчас она прижимала к груди папку, будто в ней лежала граната, и косилась на дверь. Я вспомнил, как она бросилась на пол и накрыла ладонью какой-то лист - жёлтое пятно на белом. Интересно, какую смету можно так бояться показать новому владельцу.

Виноватые всегда боятся. Мне стоило бы обрадоваться.

- Идите, - сказал я. - Я с вами. Каждую группу я смотрю

лично. Начнём с вашей.

Кровь отхлынула от её лица так быстро, что веснушки проступили ярче.

- Сейчас?

- Сейчас.

- Сергей Викторович, генеральные директора не ходят по кабинетам руководителей групп.

Она сказала это с такой странной, почти отчаянной убеждённостью, что я едва не усмехнулся.

- Этот ходит. - Я открыл перед ней дверь. - Это не обсуждается.

* * *

Она шла на полшага впереди, быстро, почти бежала. Люди у кулеров замолкали и расступались. За поворотом меня догнал помощник с телефоном в вытянутой руке:

- Сергей Викторович, Олег Викторович. Говорит, срочно, по банку.

Я задержался секунд на двадцать. Не больше. Сказать брату "перезвоню" и выяснить у Ильи, где кабинет.

Когда я вошёл, Оля стояла у своего стола, чуть запыхавшись, и бедром задвигала верхний ящик.

На столешнице у монитора, в тонком слое строительной пыли, которую эти люди приносят на себе с объектов, остался чистый прямоугольник. Десять на пятнадцать. Там только

что стояла рамка.

Я тринадцать лет на стройках и умею читать следы на поверхностях.

Значит, кто-то есть. Мужчина, которого лучше не показывать бывшему мужу. Что ж, логично. Деньги кончаются, а ей всего тридцать.

Это не должно было меня задевать.

Часы на запястье вдруг стали тяжёлыми.

- Ваш кабинет? - спросил я.

- Мой и Елены Кравец, менеджера проектов моей группы.

Женщина с кружкой обернулась от окна. Невысокая, кудрявая, из тех, кто громкий, даже когда молчит. На лице у неё было нормальное выражение сотрудника, к которому без стука вошёл новый владелец: страх и лёгкое негодование. Она открыла рот, чтобы поздороваться.

И посмотрела на меня.

На глаза. На подбородок. Потом на стол Оли, на чистый прямоугольник у монитора. Потом снова на меня.

Рот так и остался открытым. Кружка в её руке медленно наклонилась, и кофе тонкой струйкой полился на пол.

- Лена, - очень спокойно сказала Оля. - Кружка.

- Мы знакомы? - спросил я.

- Нет, - странным голосом ответила Елена Кравец. - Нет-нет. Просто у вас… очень запоминающееся лицо.

Оля посмотрела на неё так, что на месте этой женщины я немедленно написал бы заявление по собственному.

Новое начальство пугает людей по-разному. Я видел, как заикаются прорабы, а один главный инженер однажды упал в обморок. Кофе на полу был ещё не худшим вариантом.

Я прошёл к стене. Фотографии проектов, аккуратно, в ряд. И снимок с новогоднего корпоратива: шестеро уставших людей в бумажных коронах, а в центре Оля. Она хохотала, запрокинув голову.

Я смотрел на этот снимок дольше, чем следовало.

Я думал, этот смех остался на нашей кухне. Оказалось, она унесла его с собой.

- Список проектов, сметы, сроки, договоры с подрядчиками, - сказал я, не оборачиваясь. - К среде, мне на стол.

- Хорошо.

В дверях я задержался.

- И, Ольга Андреевна. На аудите находится всё. Даже то, что успели убрать в ящик.

Она ничего не ответила. Только пальцы на спинке кресла побелели, а Елена Кравец за её плечом сдавленно кашлянула.

Я закрыл за собой дверь. Эта, к счастью, не скрипела.

* * *

Машину я вожу сам. Старый чёрный "Ленд Крузер", которому двенадцать лет. Илья считает это причудой, отец - позором для холдинга.

Я сел за руль и не стал заводить двигатель. По лобовому стеклу текла вода.

"Красивый дом. Чей?"

Я знал этот дом.

Ей было двадцать два, мне двадцать семь. Мы лежали на полу в моей новой пустой квартире: мебель ещё не привезли, зато привезли пиццу. Она рисовала на крышке от коробки. Лестница с широкими ступенями, чтобы дети съезжали по перилам. Высокие окна. Оранжерея со стеклянной крышей.

- Зачем тебе оранжерея? - спросил я.

- Чтобы пить чай под дождём. - Она посмотрела на меня как на тяжелобольного. - Сидишь, тебе сухо и тепло, а прямо над головой ливень. Ледовский, тебя в детстве вообще чем-нибудь радовали?

Я сказал, что построю ей этот дом. Я строю дома. Это единственное, что я всегда умел делать хорошо.

Не успел.

Сегодня этот дом лежал у моего ботинка, на мятой салфетке из кофейни. Я держал её за самый край, нарочно: не хватало ещё, чтобы Оля заметила, что у меня дрожат руки. И спросил "чей", потому что хотел посмотреть, как она будет врать.

"Ничей. Его не существует".

Она сказала это мне в лицо, стоя на коленях. И удар почему-то пришёлся по мне.

Зазвонил телефон. Олег.

- Ну как наш новый актив? - спросил брат. На заднем плане звякнула ложечка: финансовый директор холдинга пил кофе и наслаждался жизнью.

- Нормально. Что по банку?

- По банку всё отлично. Я просто хотел знать, как ты там. Ты её видел?

Я молчал.

- Серёжа, - сказал Олег. - Я финансовый директор. Я читаю сорок третьи страницы.

Дождь стучал по капоту.

- Бюро хорошее, - сказал я. - Сделка выгодная.

- Конечно. Поэтому ты лично поехал на собрание в понедельник утром, а замминистра перенёс на четверг. Ладно, не моё дело. Отец ждёт тебя в семь. Сказал, разговор семейный. И просил надеть галстук.

- Что ему нужно?

- Когда отец просит надеть галстук, братец, значит, кого-то из нас сейчас продадут. Я проверил: не меня. - Он помолчал и добавил уже без смеха: - Держись.

* * *

Дом отца стоял на Рублёвке и был похож на хозяина: большой, холодный, построенный на века. Мама пыталась его согреть - шторами, цветами, роялем в гостиной. Когда её не стало, цветы убрали. Рояль остался. На нём не играли два-

дцать три года.

В кабинете, у камина, кроме отца, сидела Карина Вишневская.

Я знал Карину с её пятнадцати лет. Дочь главного партнёра отца. Красивая той безупречной красотой, к которой нечего добавить и не к чему придраться: светлые волосы, светлый костюм, спокойная улыбка. Мы никогда не ссорились. Мы вообще ни разу не разговаривали дольше пяти минут.

- Садись, - сказал отец.

Виктор Андреевич Ледовский ни разу в жизни не начал разговор с вопроса "как дела". Он положил передо мной тонкую папку.

- Вишневский согласен на слияние. Цемент, два завода, банковская линия под Южный квартал. Но он хочет гарантий.

- Каких?

- Семейных. - Отец посмотрел на меня поверх очков. - В этой стране нет ничего надёжнее родственников.

Я посмотрел на Карину. Карина посмотрела на меня и чуть заметно улыбнулась. Она не выглядела удивлённой. Она никогда не выглядела удивлённой.

- Помолвка в следующую субботу, - продолжил отец голосом, которым зачитывал повестку совета директоров. - Двести гостей. Свадьба в конце января. Мы с Вишневским дарим вам дом в "Сосновом береге". Коробка готова, к свадьбе

закончите отделку. Тебе тридцать пять, Сергей. Пять лет ты живёшь как монах и работаешь как каторжник. Хватит.

Двести гостей. Цемент. Дом. Всё было решено без меня, как решается всё в этой семье. Мне оставалось только поставить подпись.

Пять лет назад я перевернул бы этот стол.

Пять лет назад я стоял здесь, на этом самом ковре, с запиской в кармане. Шёл третий день. Я обзвонил всех её подруг, поднял на ноги службу безопасности, съездил в Тверь, где Нина Петровна сказала мне через дверную цепочку: "Она не хочет вас видеть, Серёжа. Уезжайте". Я кричал отцу, что это он её выжил. Что если с ней что-нибудь случилось, я ему этого не прощу.

Он дал мне докричать. Потом снял очки, протёр их и сказал:

- Перестань её искать. Она приходила ко мне. Я дал ей денег, и она уехала. Такие девочки всегда уезжают, надо только знать сумму.

Он назвал сумму. Она оказалась не такой уж большой. Вот что было хуже всего.

Через месяц мне прислали документы на развод. Я подписал их в лифте, между двумя совещаниями.

Кольцо она так и не вернула. Это единственное, чего я не понял. Деньги понял, записку понял. А кольцо… Хотя оно стоило прилично. Наверное, всё дело в этом.

- Сергей, - сказал отец. - Тебе есть что возразить?

Перед глазами стоял чистый прямоугольник в пыли. Десять на пятнадцать.

"Здравствуйте, Сергей Викторович".

- Нет, - сказал я. - Мне всё равно, на ком жениться.

Карина не моргнула. Отец кивнул, как кивают, принимая работу у подрядчика: без радости, но и без замечаний.

Проводить меня она вышла сама, будто уже была здесь хозяйкой. В прихожей поправила мне манжету, рядом с часами. На часы она не посмотрела. Она никогда на них не смотрела, и за пять лет я ни разу не задумался почему.

- Не волнуйся, - сказала Карина. - Я не буду мешать тебе работать. Домом займусь сама.

- Занимайся.

- Кстати. - Она подняла на меня светлые спокойные глаза. - Ты ведь купил "Северный свет"? Говорят, у них там есть одна очень талантливая девочка.

Сделку мы закрыли в пятницу вечером и ещё нигде о ней не объявляли.

Я мог бы спросить, откуда она знает. Но я устал, и мне было всё равно. Я ведь только что сам это сказал.

* * *

В первом часу ночи я спустился в бассейн. Он в подвале моего дома, и в это время там никого нет. Вода - единственное место, где не нужно ни с кем разговаривать и ничего ре-

шать.

Часы я снял и положил на бортик. Только здесь они и бывают не на руке. На задней крышке за пять лет почти стёрлась гравировка, но я и так знал, что там написано.

"С. Навсегда. О."

Всем, кто удивлялся, почему генеральный директор носит простые стальные часы, я отвечал, что они точные. Себе я говорил другое: что ношу их как напоминание. Чтобы помнить, сколько стоит "навсегда". Я ведь знал точную сумму.

Я проплыл сорок кругов. Потом ещё двадцать. Речь, которую я шлифовал пять лет, не вернулась. Вместо неё в голове крутилось одно и то же: серые глаза, пыльные джинсы, "его не существует".

Мне всё равно, на ком жениться.

Я сказал это отцу в глаза, и он поверил. Я бы и сам поверил: это было правдой пять лет и одиннадцать дней.

Ровно до одиннадцати ноль семи сегодняшнего утра, когда в большой переговорной скрипнула дверь.

Глава 3. Заказ

Оля

Дверь закрылась. Мы с Леной стояли и смотрели на лужу кофе.

Шаги в коридоре стихли. Где-то хлопнула дверь лифта. Лена медленно поставила пустую кружку на подоконник, подошла к двери, выглянула, закрыла её и повернула замок. За три с половиной года я ни разу не видела, чтобы она им пользовалась.

- Оля, - сказала она очень тихо.

Лена Кравец не умеет говорить тихо. У неё двое близнецов, четыре прораба и голос, которым можно разгонять демонстрации. От её шёпота у меня по спине побежали мурашки.

- Не надо.

- Оля. У него лицо Димы.

Я села в кресло. Ноги как-то сами решили, что на сегодня с них хватит.

- Глаза, - продолжала Лена, загибая пальцы. - Подбородок. Вот эта штука, когда он голову наклоняет. Я твоего сына с года знаю, я ему сопли вытирала, я не могла ошибиться. Ты

мне что говорила? "Бывший, богатый, не хочу о нём вспоминать". Ты не говорила, что твой бывший - Ледовский! Я тебе утром рассказываю про какой-то холдинг, а ты сидишь!

- Я не знала, что это его холдинг.

- Ты спросила! Я рот открыла!

- И мне позвонил прораб.

Лена посмотрела на меня. Потом на стол. Потом выдвинула верхний ящик, достала рамку и поставила передо мной. Дима с Бульдошей смеялся во весь рот. Рядом с тем, что я только что видела, это было невыносимо.

- Он знает? - спросила она.

- Нет.

- "На аудите находится всё", - процитировала Лена. - "Даже то, что успели убрать в ящик". Это что сейчас было?

- Он видел, что я что-то убрала. Он всегда всё видит. Он может войти в комнату и сказать, какая из стен кривая. - Я взяла рамку и сунула в сумку, на самое дно, к рисунку с экскаватором. - Он не знает, что там. Он думает, я прячу какую-нибудь ерунду. Лен, он меня ненавидит. Ты бы видела, как он на меня смотрит.

- Я видела, - сказала Лена. Она вернулась к своему столу, села и задумчиво посмотрела на лужу. - Так, будто ты последний пирожок в буфете, а у него диета.

- Лена!

- Что Лена? Я двадцать лет на мужиков смотрю. Ненавидят по-другому. - Она вздохнула, достала пачку салфеток

и бросила мне половину. - Вытирай. Новый хозяин, между прочим, не любит грязи. И рассказывай, что будем делать.

Я опустилась на колени второй раз за день и начала вытирать пол.

- Ничего, - сказала я. - Сдам к среде сметы. Буду говорить "Сергей Викторович". Он посмотрит группу, убедится, что мы лучшие, и уедет в свою башню. Такие, как он, в бюро не сидят. Через неделю я для него буду строчкой на сорок какой-нибудь странице. И всё закончится.

"Я справлюсь, - сказала я себе. - Я всегда справляюсь".

Вечером, когда я забирала Диму из садика, он первым делом спросил:

- Ну что? Ты его встретила?

Я присела и застегнула ему верхнюю пуговицу, хотя она и так была застёгнута.

- Нет, зайка, - сказала я. - Не встретила.

Рисунок лежал у меня в сумке. Я впервые в жизни соврала сыну так, что сама услышала, как это прозвучало.

* * *

Всё закончилось на следующий день, в десять утра.

- Ольга Андреевна, - сказала в трубку администратор Юля голосом, в котором смешались почтение и зависть. - К вам посетительница. Без записи. Я ей говорю, что у вас планёрка, а она говорит, что подождёт. И улыбается. Она в переговор-

ной. Оль, у неё сумка стоит как моя квартира.

На этот раз я была в костюме. Вчерашний урок я усвоила: тёмно-синий костюм, волосы уложены, веснушки замазаны в два слоя. Я взяла папку, вошла в малую переговорную и привычно растянула губы в улыбке для заказчиков.

Женщина у окна обернулась.

Светлые волосы, уложенные волосок к волоску. Светлое пальто. Спокойное, безупречное лицо, на котором за пять лет не появилось ни одной лишней линии.

Карина Вишневская улыбнулась мне так, будто мы старые подруги.

В последний раз я видела эту улыбку пять лет назад. В дверях номера 303.

* * *

Тест я сделала прямо в торговом центре, в туалете с треснувшим зеркалом. До дома дотерпеть не смогла.

Две полоски.

Я смотрела на них, пока женщина из соседней кабинки не постучала и не спросила, всё ли у меня в порядке. Я ответила, что всё отлично, и это была чистая правда. Мне было двадцать пять, я была замужем за лучшим мужчиной на свете, и у нас будет ребёнок.

Я завернула тест в салфетку и всю дорогу домой придумывала, как скажу Серёже. Сегодня у холдинга юбилей, кор-

поратив в отеле на набережной. Он вернётся поздно, уставший, будет ворчать на отцовские тосты и стягивать галстук прямо в прихожей. А на кухне его будут ждать свечи и маленькая коробка. И в ней - две полоски.

Сообщение пришло в половине десятого. Номер незнакомый, текста нет. Только фотографии.

Серёжа у лифта обнимает женщину. Лица не видно - светлые волосы, его ладонь на её голой спине.

Дверь гостиничного номера. Табличка: "303".

Третью фотографию я открывать не стала. Я уже вызывала такси.

Дверь номера 303 мне открыла Карина Вишневская.

Я её знала. Все её знали - дочь главного партнёра моего свёкра. "Девочка, на которой Серёже следовало бы жениться". Виктор Андреевич говорил это так часто, что даже не понижал голоса, когда я сидела рядом.

На Карине была мужская рубашка. Белая, с одной запонкой. Я сама гладила её утром.

- Тише, - шепнула она и приложила палец к губам. - Он спит. Устал.

За её плечом в полумраке была кровать. И Серёжа на ней - поперёк, без рубашки, раскинув руки. Так он спал только после очень длинных дней. И только со мной.

Я так думала.

- Он тебе утром всё объяснит, - почти сочувственно сказала Карина. - Хотя… что тут объяснять?

Я не помню, как вышла из отеля. Помню только, что не заплакала. Ни в такси, ни дома, пока складывала вещи в чемодан. Ни когда писала записку.

"Будь счастлив".

Два слова. Других у меня не нашлось.

Кольцо я сняла и положила сверху. Постояла. А потом взяла его обратно и сжала в кулаке так, что на ладони остался красный след.

В два часа ночи я ушла от Сергея Ледовского - с одним чемоданом и его кольцом в кармане.

И ещё кое с чем. С тем, о чём он никогда не узнает.

* * *

- Ольга Андреевна? - Карина чуть склонила голову набок. - Вы меня слышите?

Я слышала. Я разжала пальцы - оказывается, всё это время я сжимала кулак, как тогда, с кольцом, - и улыбнулась ей самой вежливой из своих улыбок.

- Конечно. Чем могу помочь?

Она не сказала "Оля". Она не сказала "сколько лет". Она опустилась на стул, положила на стол тонкие руки, и на безымянном пальце вспыхнул камень размером с Димин кулак. Ну хорошо, с Димин большой палец. Я всю жизнь работаю с заказчиками и умею оценивать такие вещи на глаз. Это кольцо стоило как моя ипотека, причём целиком.

Значит, замужем. Что и требовалось доказать.

- Я выхожу замуж, - сообщила Карина.

Я не сразу поняла, что она сказала. Выходит? Не вышла?

- В конце января, - продолжала она, разглаживая перчатку. - Мы с Серёжей так долго к этому шли. Вы же понимаете, такие решения в наших семьях не принимаются быстро.

Пять лет. Пять лет я была уверена, что он женился на ней через месяц, и ненавидела их обоих спокойно и размеренно, как платят ипотеку. Оказывается, они всё это время "шли". Куда? Зачем? Почему я должна сидеть здесь в костюме с распродажи и чувствовать, как во мне что-то ворочается, будто в доме сдвинули несущую стену?

- Поздравляю, - сказала я.

- Спасибо. - Улыбка не дрогнула. - Наши семьи дарят нам дом в "Сосновом береге". Шестьсот метров, коробка готова. Его нужно закончить к свадьбе: планировка, отделка, мебель, текстиль, всё до последней вазы. Три месяца. Я хочу, чтобы наш с Серёжей дом обставили именно вы.

Где-то за стеной кто-то засмеялся. Я подумала: "Наверное, это Тимур". Он всегда смеётся на планёрках. Всё в мире шло своим чередом.

- Почему я?

Я честно старалась, чтобы голос прозвучал профессионально. Карина посмотрела на меня ясными светлыми глазами, и на секунду, на одну только секунду, в них мелькнуло то самое. Из дверей номера 303.

- Вы ведь знаете его вкус лучше всех, - сказала она.

Я встала. Спокойно, медленно, как встают, когда в комнате бомба и резких движений делать нельзя.

- Благодарю за доверие, Карина Эдуардовна. К сожалению, моя группа загружена до весны. Я передам вашу заявку руководству, вам подберут другого специалиста. У нас прекрасные дизайнеры.

- Конечно. - Она не удивилась. Она вообще ничему не удивлялась. Она поднялась, взяла свою сумку-квартиру и у двери обернулась. - Только, боюсь, это уже не от вас зависит. Я говорила с Серёжей. Но вы поговорите с ним сами. Вы ведь умеете с ним разговаривать, правда?

* * *

Кабинет Аркадия Борисовича был на пятом этаже. Я проработала здесь три с половиной года и знала каждую трещину на его подоконнике. Теперь на подоконнике ничего не стояло. Исчезли фикус, стопка журналов, смешная керамическая сова от внуков. За столом сидел Сергей Ледовский и читал мою смету.

Хотя нет. Он просто держал её в руках.

Он не встал. Он не предложил сесть. Он посмотрел на меня поверх листа, и я впервые за сутки смогла разглядеть, как он выглядит, если не смотреть на него с пола. Плохо он выглядел. Под глазами залегли тени, как будто он не спал. Я

мстительно этому порадовалась и тут же разозлилась на себя за то, что заметила.

- Сергей Викторович. Я отказываюсь от проекта в "Сосновом береге".

- Нет, - сказал он.

Он даже не повысил голос. Перелистнул страницу.

- У меня восемь проектов.

- Передадите. Кравец справится с текучкой, я просмотрел её отчёты.

- У бюро двенадцать групп и семьдесят дизайнеров. Любой из них…

- Заказчица хочет вас.

- Заказчица - ваша невеста! - Я услышала, что говорю слишком громко, и остановилась. Вдохнула. Выдохнула. - Сергей Викторович. Вы понимаете, что это… неуместно.

Вот теперь он отложил смету. Откинулся в кресле и посмотрел на меня так, что мне захотелось проверить, застёгнут ли пиджак.

- Что именно неуместно, Ольга Андреевна?

Голос был ровным и почти ласковым. Я помнила этот голос. Так он разговаривал с подрядчиками, которые пытались его обмануть.

- Вы мой сотрудник. Это заказ. Шестьсот метров, бюджет, который закроет вашей группе год. Или у вас есть какие-то личные причины для отказа? Назовите. Я готов выслушать.

Личные причины.

Номер 303. Белая рубашка с одной запонкой. Две полоски в салфетке. Мальчик с твоим подбородком, который спрашивает, приедешь ли ты на его день рождения.

Он смотрел и ждал. И мне вдруг показалось, что он действительно ждёт. Что если я сейчас скажу хоть что-нибудь, эта его ледяная маска треснет, и за ней окажется… что? Человек, который спал поперёк кровати, пока его любовница открывала дверь его жене?

- Нет, - сказала я. - Личных причин нет.

Что-то в его лице закрылось. Как будто щёлкнул замок.

- Тогда слушайте условия. - Он придвинул к себе блокнот. - Объект ведёте лично. От замеров до последней вазы. Срок - двадцать пятое января. По итогам аудита я решаю, какие группы останутся в бюро. Сделаете дом - ваша группа останется в полном составе. Откажетесь - вашу группу расформируют первой, а вы получите расчёт и рекомендации. Хорошие. Я не мелочный.

В кабинете было очень тихо. Я слышала, как идут его часы. Этого, конечно, не могло быть - я стояла в трёх метрах, - но я слышала.

- Вы меня шантажируете.

- Я вами руковожу. - Он снова взял смету. - Это не обсуждается.

Настя, которая только вышла замуж. Кирилл с женой в декрете. Тимур с двумя соседями. Счёт, на котором хватит на два месяца, если очень экономить.

И Дима.

Если я уволюсь, если мне придётся искать работу, ходить по собеседованиям, объяснять, почему ушла от Ледовских… Если он начнёт выяснять почему… Нет. Три месяца. Двенадцать недель. Я буду приезжать на объект, рисовать планы и выбирать вазы. Я буду говорить "Сергей Викторович" и "Карина Эдуардовна". А в конце января они поженятся, и всё. Я выбирала кафель для людей, которых презирала, сотни раз. Подумаешь, ещё один.

- Мне нужен доступ на объект и контакты подрядчиков, - сказала я.

Его рука на секунду замерла над страницей.

- Завтра в девять. Едем вместе, Карина хочет показать вам дом.

Я развернулась и пошла к двери. На полпути остановилась. Сама не знаю зачем.

- Поздравляю с помолвкой, Сергей Викторович. Вы очень подходите друг другу.

Он не поднял глаз. Только костяшки пальцев на смете стали белыми.

- Я знаю, - сказал он.

* * *

Вечером мы с Димой строили башню. Бульдоша подвозил кубики, Дима командовал, а я лежала рядом на ковре и ду-

мала, что это самая красивая стройка на свете.

- Мам.

- М?

- А у папы на работе есть экскаваторы?

Я посмотрела на потолок. На потолке была трещина, которую я уже два года собиралась заделать.

- Есть, зайка, - сказала я. - Очень много.

Дима просиял.

- Я так и знал, - сказал он и поставил сверху последний кубик.

Башня рухнула. Он засмеялся и начал строить заново.

Когда он заснул, я достала из сумки рамку, поставила на полку и долго сидела на кухне с остывшим чаем. Потом залезла на табуретку и сняла с антресоли коробку из-под обуви. Открывать её я не стала. Просто подержала в руках, как держат что-то тяжёлое, чтобы проверить, по-прежнему ли оно весит столько же.

Оно весило столько же.

"Три месяца", - сказала я себе.

Я справлюсь.

В первый раз за пять лет я себе не поверила.

Глава 4. Чужой дом

Оля

"Едем вместе" оказалось не фигурой речи.

Я-то думала, что приеду на электричке, потом на такси, и встречусь с ними на месте. Но без пятнадцати девять, когда я выскочила из метро на Новослободской с папкой и лазерной рулеткой, у входа в бизнес-центр стоял чёрный "Ленд Крузер". Старый, с царапиной на левом крыле. За рулём сидел Сергей Ледовский и смотрел на часы.

В такой машине я его не ожидала увидеть. Я вообще-то твёрдо знала, что он ездит с водителем. Я пять лет рассказывала себе об этом.

Он наклонился и открыл переднюю дверь изнутри.

- Вы вовремя, - сказал он. - Что-то случилось?

Это была шутка. Наверное. Лицо у него при этом не изменилось ни на миллиметр.

- Я могу доехать сама.

- Садитесь, Ольга Андреевна.

Я села. В салоне пахло кедром, кожей и немного бензином, и мне понадобилось всё моё самообладание, чтобы дышать ртом. Я положила папку на колени и уставилась в ло-

бовое стекло.

Мы выехали на Третье кольцо, потом на Новую Ригу. Дорога заняла час десять. За час десять мы сказали друг другу ровно четыре фразы, и две из них были про то, что в бардачке есть вода. Он вёл машину так же, как раньше: одной рукой, спокойно, не обгоняя и не уступая. Я смотрела на эту руку, на стальные часы и вспоминала, совершенно не желая этого, как впервые его увидела.

Мне было двадцать два. Меня взяли на практику в проектный отдел "Ледовский групп": чертить узлы и носить кофе. На третий день нас повели на объект. Посреди бетонного остова стоял высокий мрачный тип в каске и выслушивал начальника участка. Все вокруг него ходили на цыпочках. Я не знала, кто это. Я просто посмотрела на чертёж, посмотрела на стену и сказала:

- У вас дверной проём не там. Шкаф не влезет.

Вокруг стало очень тихо. Мрачный тип обернулся.

- Кто это? - спросил он.

- Практикантка, Сергей Викторович, простите, она новенькая…

Он взял у меня чертёж, долго на него смотрел, потом подошёл к стене и приложил рулетку. Потом сказал начальнику участка: "Переделать". Потом посмотрел на меня сверху вниз и спросил:

- Вы всегда так разговариваете с людьми?

- Только когда они неправы, - ответила я. - Ваше мрачное

величество.

Я правда это сказала. Мне было двадцать два года, и я никого не боялась.

- Вода в бардачке, - сказал Сергей Ледовский.

- Что?

- Вы третий раз сглатываете. Вода в бардачке.

Я отвернулась к окну. За стеклом проплывали мокрые сосны.

* * *

"Сосновый берег" был из тех посёлков, где заборы стоят дороже, чем мой район. Охрана подняла шлагбаум, едва увидев номера. Мы проехали вдоль залива, серого и неподвижного, и свернули на длинную подъездную дорогу.

Светлый "Мерседес" уже стоял у крыльца. Карина ждала нас рядом с ним, в светлом пальто, и держала над собой прозрачный зонт, хотя дождя почти не было.

- Серёжа. - Она подставила щёку. Он наклонился и коснулся её губами, так, как ставят подпись на десятом экземпляре договора. - Ольга Андреевна, доброе утро. Как вам дорога?

Я не ответила, потому что смотрела на дом.

Я видела сотни коробок. Обычно это грустное зрелище: бетон, потёки, торчащая арматура. Но эта коробка… Кто-то, кто её проектировал, понимал в свете. Два этажа и мансарда.

Огромные оконные проёмы на юг, к заливу. С западной стороны - длинная пустая терраса, на которую просто просилось стекло. И сосны, подступающие почти к самым стенам.

Руки зачесались. Предательски, совершенно против моей воли.

- Заходите, - сказала Карина. - Здесь пока ужасно, но вы, я уверена, привыкли.

Внутри пахло цементом и сырой штукатуркой. Шаги отдавались гулко, как в храме. Я включила рулетку, достала планшет и пошла за Кариной, чувствуя спиной, что Сергей идёт следом, отстав на три шага.

- Здесь будет гостиная. - Карина остановилась посреди огромного зала и обвела его рукой в перчатке. - Я хочу белое. Только белое. Белые стены, белый мрамор, белая кожа. Без всех этих ваших уютных штучек, понимаете? Никаких подушек, пледов и книжных полок. Как в журнале.

- Здесь южные окна, - сказала я. - Белый мрамор при таком свете будет слепить. Зимой станет холодно, летом резать глаза.

- Значит, повесим шторы. - Она мило улыбнулась. - Мне нравится, когда холодно. Это дисциплинирует.

Я записала. "Белое. Холодно". За спиной у меня кто-то очень тихо выдохнул, но, когда я обернулась, Сергей стоял у окна, заложив руки за спину, и смотрел на залив. Ни одна мышца на его лице не шевелилась.

Мы обошли первый этаж. Кухня: белая, встроенная, "го-

товить всё равно будут другие". Столовая на двадцать персон. Кабинет Серёжи: чёрный, с сейфом. Спальня хозяев на втором этаже: две гардеробные и, по настоянию Карины, две отдельные ванные.

Лестница наверх была широкая, с низкими удобными ступенями. Я шла по ней и старалась не думать ни о чём, кроме перил. Перила пока были деревянными, временными. По таким очень удобно съезжать, если тебе четыре года.

Не думать.

На втором этаже, в конце коридора, оказалась комната. Небольшая, угловая, с двумя окнами на сосны. Единственная во всём доме, в которой было тепло. Не буквально, конечно: здесь было так же сыро и пахло так же. Но утреннее солнце, которое на секунду пробилось сквозь тучи, легло на бетонный пол ровным золотистым квадратом, и за окном качнулась ветка.

"Здесь нужна низкая полка вдоль этой стены, - подумала я. - Для машинок. И широкий подоконник, чтобы сидеть с ногами. И кровать вот здесь, чтобы, просыпаясь, сразу видеть сосны".

- А это что будет? - спросила я.

Голос прозвучал почти нормально.

- Эта? - Карина заглянула в дверь и едва заметно поморщилась. - Гардеробная для сезонной одежды. Или гостевая, неважно.

- В таких домах угловую комнату на втором этаже обычно

отдают под детскую. - Я не знаю, зачем это сказала. Рука сама подняла стилус. - Рядом с хозяйской спальней, солнечная сторона.

Наступила тишина. Очень короткая.

- Детских не нужно, - ровно произнесла Карина. - Никаких детских, Ольга Андреевна. Мы с Серёжей не планируем детей. Правда, милый?

Я не хотела поворачиваться. Но повернулась.

Он стоял в коридоре, прислонившись плечом к бетонной стене, и смотрел не на неё. Он смотрел на меня. На стилус в моей руке и на золотой квадрат на полу. И на одно мгновение ледяная маска исчезла. За ней было такое, что я забыла, как дышать.

Мы хотели троих. Мы лежали на полу, ели пиццу и спорили, как их назвать. Он говорил, что мальчики у него будут строить, а я говорила, что девочки у меня будут строить лучше.

- Как скажешь, - сказал Сергей.

Маска вернулась на место.

Я опустила глаза и записала: "Детских не нужно". Стилус скользнул по экрану, буквы вышли кривыми, как у четырёхлетнего. Я стёрла и написала заново.

У Карины зазвонил телефон. Она взглянула на экран, и лицо у неё стало деловым.

- Это папа, я на минуту. Ольга Андреевна, снимите пока размеры. И, пожалуйста, - она окинула взглядом мой

костюм, - в следующий раз наденьте что-нибудь попроще. Здесь всё-таки стройка.

Застучали каблуки, удаляясь по лестнице. Хлопнула входная дверь.

Мы остались вдвоём в пустой бетонной комнате на втором этаже чужого дома.

Я подошла к стене и приложила рулетку. Красная точка задрожала на бетоне. Я прижала локоть к боку. Точка задрожала меньше.

- Четыре двести, - сказала я вслух, просто чтобы что-то сказать, и записала.

Он молчал. Я подошла к другой стене. Три восемьсот. Высота проёма. Ширина подоконника. Я двигалась, мерила, записывала и всё время чувствовала его за спиной, как чувствуют включённую батарею.

- Почему ты ушла?

Рулетка щёлкнула в пустоте.

Он сказал это тихо. Без холода и без ярости, как будто вопрос просто вышел из него сам, вопреки всему: костюму, должности, помолвке, тридцати секундам у окна. Он перешёл на "ты", и у меня в груди что-то перевернулось.

Я медленно опустила руку.

Пять лет. Я ждала этого вопроса пять лет. Я придумала на него сто ответов. Нет, неправда. Я придумала на него один ответ, и в нём было всё: две полоски, свечи, которые я так и не зажгла, такси, триста третий номер. Что я стояла в том

коридоре и у меня онемели руки. Что я родила твоего сына одна в тверском роддоме, в палате на шесть человек, и всю ночь смотрела на дверь. Хотя я точно знала, что ты не войдёшь.

Он спрашивал. Он стоял в доме, который ему подарили к свадьбе, а внизу, у машины, его ждала невеста. И он спрашивал меня, почему я ушла.

Что-то горячее и злое поднялось к горлу, и я обрадовалась этому. Со злостью я умею обращаться. Злость держит лучше, чем несущая балка.

Я обернулась и посмотрела ему прямо в глаза.

- Спросите свою невесту, Сергей Викторович.

Он нахмурился.

Это было так неожиданно, что на секунду я растерялась. Я ждала чего угодно: что он дрогнет, отведёт глаза, усмехнётся. Что он скажет: ну да, было, и что с того? Пять лет назад это всё же был его номер, его рубашка, его кровать. Но он стоял и смотрел на меня с настоящим, абсолютно искренним недоумением. Так смотрят на чертёж, в котором что-то не сходится.

- При чём здесь Карина?

Хорошо он это сказал. Убедительно. За пять лет он, видимо, многому научился.

- Размеры я сняла, - сказала я. - Концепцию пришлю к понедельнику. Я могу подождать в машине?

- Оля.

- Ольга Андреевна.

- При чём здесь Карина? - повторил он, и голос его стал очень тихим.

Я взяла папку. Я прошла мимо него, так близко, что задела рукавом его локоть, и даже не вздрогнула, потому что очень постаралась. У двери я обернулась. Золотой квадрат на полу уже погас.

- Белое, холодное, никаких детских, - сказала я. - Всё записала. Поздравляю, Сергей Викторович. Это будет очень красивый дом.

И пошла вниз по широкой лестнице с удобными низкими ступенями, держась за временные деревянные перила. Рука у меня почти не дрожала.

В машину я не села. Я прошла мимо "Мерседеса", мимо Карины, которая разговаривала по телефону и проводила меня долгим спокойным взглядом, вышла на дорогу и вызвала такси. Семь тысяч до Москвы. Это были деньги на Димины зимние ботинки.

Я сидела на заднем сиденье и смотрела на мокрые сосны, а пальцы сами рисовали на запотевшем стекле.

Низкая полка вдоль стены. Широкий подоконник.

Я стёрла это ладонью.

Гардеробная, Ольга Андреевна. Для сезонной одежды.

Глава 5. Помолвка

Сергей

"Спросите свою невесту".

Я спросил.

Это было в четверг, в машине Карины, по дороге к её ювелиру. Она зачем-то хотела, чтобы я увидел кольцо, которое сама себе выбрала и уже три дня носила. Я смотрел, как дворники размазывают по стеклу мокрый снег, и думал о том, что за всю мою взрослую жизнь никто ни разу не поставил меня в тупик тремя словами. А эта женщина сделала это дважды за неделю.

- Что ты сказала Оле? - спросил я.

Карина не повернула головы.

- Ольге Андреевне? Я сказала, что мне нужен белый мрамор. Она спорила. Она у тебя упрямая.

- Не у меня. Пять лет назад. Что между вами было?

Вот теперь она посмотрела. Спокойно, чуть удивлённо, как смотрят на ребёнка, задавшего вопрос про смерть.

- Серёжа. Я видела её раз пять, на семейных обедах. Она ела салат не той вилкой и спорила с твоим отцом про перекрытия. Мы даже не разговаривали. А что?

- Она сказала, что причину её ухода надо спрашивать у тебя.

Карина помолчала. Потом вздохнула, сняла перчатку и положила тёплую сухую ладонь мне на руку.

- Милый, - сказала она. - Послушай меня. Женщина, которая взяла деньги и исчезла, не может сказать себе: я продала мужа. Так жить нельзя. Ей нужна история. Ей нужно, чтобы её обидели. Я всегда была рядом с вашей семьёй, и она это знала. Наверное, ей легче думать, что ты изменял ей со мной, чем что её цена оказалась такой небольшой. Я не обижаюсь. Мне её даже жаль.

Это звучало разумно. Всё, что говорила Карина, всегда звучало разумно.

Я убрал руку и посмотрел в окно. Логика была безупречной, я не нашёл в ней ни одной трещины. Только перед глазами у меня стояло лицо Оли в той бетонной комнате. Она смотрела на меня так, будто это я стою у неё на горле. Такого не сыграешь. Я видел, как врут лучшие подрядчики этой страны. Там, наверху, в пустом доме, у женщины с лазерной рулеткой была ненависть. Настоящая, давно обжитая. Как у человека, которого по-настоящему предали.

За деньги так не ненавидят.

Я отогнал эту мысль. У меня были слияние, два завода и замминистра в четверг.

"Какая разница, - подумал я. - Мне всё равно".

* * *

Приём устроили в субботу, в загородном клубе Вишневских. Двести гостей, струнный квартет, шампанское в высоких бокалах и ледяной лебедь на столе с закусками, с которого к девяти вечера начало капать на устрицы. На лебедя я смотрел с сочувствием. Мы с ним находились примерно в одном положении.

Я пожимал руки. Я улыбался в нужных местах. Банкиры говорили мне про синергию, их жёны говорили, какая мы красивая пара. Олег стоял у колонны с бокалом и смотрел на всё это с выражением натуралиста в террариуме. Паша, в чёрном костюме и с лицом человека, который мысленно отмечает все выходы, кивнул мне от дверей. Единственное, за что я был благодарен этому вечеру: Света осталась в Лондоне и не прилетела. Она бы сказала вслух то, что думали братья.

- Ты похож на памятник самому себе, - сообщил Олег, когда я проходил мимо. - Голубям понравится.

- Отвали.

- Уже. - Он отсалютовал бокалом и вдруг посмотрел мне за плечо. Брови у него медленно поползли вверх. - А вот это интересно. Ты это заказывал?

Я обернулся.

В дальнем конце зала, у стены, рабочие устанавливали мольберты. Три больших планшета с визуализациями: белые

стены, белый мрамор, белая кожа. Подпись золотом: "Дом в „Сосновом береге“. Подарок семей молодым". А рядом с планшетами, с папкой образцов в руках, стояла Оля.

Она была в чёрном платье. Простом, закрытом, с длинными рукавами, какие надевают официантки в дорогих ресторанах. Наверное, специально выбрала, чтобы не отличаться от персонала. Только плохо рассчитала. Женщины в этом зале потратили на то, чтобы на них смотрели, больше, чем стоил мой первый "Крузер". А смотреть хотелось на тонкую шею над чёрным воротом и на то, как она поправляет планшет: двумя пальцами, сосредоточенно, закусив губу. В этом зале она одна занималась делом.

- Я хотела показать гостям проект, - сказала Карина, возникнув у меня под локтем. Я не слышал, как она подошла. - Разве это не прекрасно? Я попросила Ольгу Андреевну быть здесь, на случай вопросов. Подрядчик должен быть под рукой.

Я посмотрел на неё сверху вниз. Светлое платье, бриллианты, безмятежное лицо.

- Зачем? - спросил я.

- Что - зачем, милый?

Но в этот момент ударили по бокалу, и отец поднялся с места.

Речь была короткой. Отец не любит лишних слов. Он сказал про союз двух семей, про цемент и доверие. Эдуард Вишневский промокнул глаза платком, что при его биогра-

фии выглядело особенно трогательно. Все подняли бокалы. Квартет взял что-то торжественное.

- Поцелуй меня, - шепнула Карина, не разжимая улыбки.

На нас смотрели двести человек. Она положила ладонь мне на шею, поднялась на носки, развернув меня так, чтобы мы оказались лицом к дальней стене, и поцеловала. Долго. Красиво. Как в журнале.

Глаза у меня были открыты.

Над её светлой головой я видел весь зал. Вспышки телефонов, поднятые бокалы и в самом конце, у мольбертов, маленькую фигурку в чёрном.

Оля смотрела на нас.

Она не отвернулась. Она стояла очень прямо, и лицо у неё было совершенно спокойным. Такое лицо бывает у человека, которому сверлят зуб без наркоза, а он знает, что на него смотрят. Потом она аккуратно опустила глаза, открыла папку и поправила образец мрамора.

Что-то сжалось у меня под рёбрами. Что-то, что я считал ампутированным.

Я отстранил Карину. Вежливо, мягко, под аплодисменты. Карина с улыбкой проследила за моим взглядом, и улыбка у неё не изменилась. Только зрачки стали на секунду точнее. Как у снайпера.

* * *

Весь следующий час я смотрел на неё.

Не специально. У меня это, видимо, рефлекс. Я разговаривал с министром, кивал банкиру из Сочи, а сам знал, где она находится, как знают, где в тёмной комнате стоит мебель. Вот она объясняет даме в изумрудах разницу между каррарой и статуарио. Вот отказывается от шампанского. Вот в третий раз смотрит на часы, потому что у неё где-то там, видимо, есть причина спешить, и я уже знал, что эта причина стояла в рамке десять на пятнадцать.

Потом я заметил рядом с ней отца.

Он подошёл незаметно. Он всегда так подходит. Виктор Ледовский стоял возле мольбертов, спиной ко мне, прямой и сухой, и что-то негромко говорил. Я видел только лицо Оли. Она слушала, не опуская глаз, и бледнела.

Я поставил бокал на чей-то поднос и пошёл через зал. Люди заговаривали со мной, и я проходил сквозь них, как сквозь дождь.

- …значит, вы всё-таки умеете держать слово, - услышал я, подойдя. Голос отца был тихим и абсолютно ровным. - Закончите работу, получите оплату и уйдёте. Вы здесь временно, девочка. Вы и пять лет назад были здесь временно. Подрядчики выходят через кухню.

Оля подняла подбородок. Я хорошо знал этот жест.

- Я помню, Виктор Андреевич, - сказала она. - Спасибо. У меня отличная память.

Что-то странное было в этом разговоре. Оба смотрели друг на друга как люди, которые должны были бы что-то знать. Но не совпадало. Если бы она брала у него деньги, она бы сейчас покраснела, или усмехнулась, или испугалась. А она смотрела на него с холодным недоумением и достоинством. Зато отец, мой железный отец, едва заметно отвёл глаза, когда увидел меня.

- Сергей, - сказал он. - Тебя ждёт Вишневский.

- Подождёт.

Я встал рядом с мольбертом. Не рядом с ней. Просто рядом, между ними. Я сам не знаю, как это получилось.

- Ольга Андреевна работает на меня, - сказал я. Тихо. Отец понял, что значит этот тон: сам же меня и научил. - Со своими сотрудниками я разговариваю сам. И выходят они через ту дверь, через которую вошли. Паша вас проводит, Ольга Андреевна. Спасибо, на сегодня вы свободны.

Наступила пауза. Секунды на три. На этих трёх секундах держалось тринадцать лет нашей с отцом совместной работы.

- Разумеется, - сказал Виктор Ледовский и ушёл, ни на кого не глядя.

Оля смотрела на меня. Впервые за всю неделю она смотрела на меня не как на стену и не как на врага. В серых глазах было что-то растерянное, быстрое, и мне вдруг захотелось

поправить ей воротник. Или вынести её отсюда на руках к чёртовой матери.

- Мне не нужна ваша защита, Сергей Викторович, - сказала она.

- Я знаю, - сказал я. - Вам никто никогда не был нужен.

Она вздрогнула, как от пощёчины. И я тут же пожалел о сказанном.

Она закрыла папку, кивнула мне, как кивают начальству, и ушла. Через парадную дверь. С прямой спиной, в платье официантки, не оглядываясь. Паша двинулся следом, и, проходя мимо меня, задержал на мне взгляд. Он за весь вечер не сказал ни слова. И сейчас не сказал. Но я двадцать восемь лет знаю этот взгляд: так он смотрел в детстве, когда понимал, что я сейчас полезу в драку и мне надо прикрыть спину.

- Устал? - спросила Карина.

Она стояла рядом и держала два бокала. Я не заметил, когда она подошла. Она всегда умела оказываться рядом.

- Просто скучно.

- Потерпи. Ещё один тост, и поедем к твоему отцу, он просил остаться на ночь. - Она протянула мне бокал и улыбнулась. Глаза у неё были спокойные и очень светлые. - За нас, милый.

Я выпил. В тот момент мне было всё равно, что пить.

* * *

Голова весила тонну.

Это было первое, что я понял. Второе - кто-то залил мне в рот цемент, и он успел схватиться. Я лежал лицом вверх, и потолок надо мной медленно плыл. Лепнина. Люстра. Я не сразу сообразил, что это гостевая спальня в доме отца.

Я попытался вспомнить, как здесь оказался. И не смог.

Бокал. Тост. Лицо Вишневского. Кто-то смеётся. Лестница? Дальше ничего. Чёрный провал, как будто вырезали кусок плёнки. Я не пьянею от двух бокалов. Я вообще не пьянею, я Ледовский, у нас это семейное. За всю мою жизнь такое было только один раз, давно, после юбилея холдинга, и…

Я сел. Комната качнулась и встала на место. За окном был серый день. Я был без рубашки.

- Доброе утро, милый.

Карина сидела у туалетного столика спиной ко мне и расчёсывала волосы. Неторопливо, длинными ровными движениями. В зеркале я увидел её лицо, спокойное и довольное, как у кошки на солнечном подоконнике.

- Ты был очень нежен, - сказала она. - Я и не думала, что ты такой.

Я ничего не ответил. Я смотрел на неё и чувствовал только дурноту. Я не помнил. Ничего, ни одной секунды. И мне казалось, что, сколько бы я ни стоял сейчас под душем, смыть

это не получится.

Она отложила щётку и обернулась.

На ней была моя рубашка.

Белая. С одной запонкой.

Глава 6. Почти

Оля

- И ты ему что сказала? - спросила Лена.

- Что мне не нужна его защита.

- А он?

- "Вам никто никогда не был нужен".

Лена присвистнула и откусила от бутерброда. Мы сидели в нашем кабинете, за окном шёл мокрый снег, а на моём мониторе сиял белый мрамор. Концепцию Карина утвердила с первого раза, без единой правки. "Как в журнале". Я смотрела на эту стерильную красоту, и мне хотелось вымыть глаза.

- То есть он при всём зале заткнул собственного папашу, - подвела итог Лена. - Из-за тебя. А потом нахамил. Мужик в смятении, Оль. Знаешь, у меня такое было с одним сантехником…

- Он поцеловал её при мне. На глазах у двухсот человек.

- А ты смотрела?

- Я работала!

- Ага. - Лена дожевала и вытерла пальцы. - А он при этом на кого смотрел?

Я не ответила. Я прекрасно знала, на кого он смотрел. Я

стояла у мольбертов и видела поверх светлой головы его открытые глаза, и от этого было хуже всего. Я проплакала в туалете электрички от Одинцова до Белорусского. Первый раз за пять лет. Потом вымыла лицо ледяной водой и поехала забирать Диму у соседки.

- Неважно, - сказала я. - Ещё тринадцать недель.

* * *

Следующие дни я жила на Новой Риге.

Рано утром электричка, потом автобус, потом пешком полтора километра вдоль залива, мимо заборов. Штукатуры, электрики, сантехники. Прораб Семёныч, огромный, медлительный и хитрый, в первый же день попробовал объяснить мне, почему стяжка кривая, но через десять минут снял кепку и назвал меня "хозяйкой". Работать я умела. Дом рос. Белел. С каждым днём становился всё холоднее и правильнее, и я честно делала всё, что написано в техзадании. Ни одной подушки.

Только угловую комнату на втором этаже я почему-то всё откладывала. В плане она называлась "гардеробная-2" и стояла в графике последней.

Сергей приезжал через день, без предупреждения. Он ходил по этажам с Семёнычем, простукивал стены, смотрел, как лёг кабель, и разговаривал со мной ровно три минуты: сроки, сметы, поставки. "Ольга Андреевна". "Сергей Викто-

рович". Он больше не спрашивал, почему я ушла. Он вообще стал другим после помолвки: ещё тише и суше. Под глазами у него залегли серые тени, а однажды я застала его на втором этаже. Он стоял у окна и держался за запястье, там, где часы, и смотрел на залив таким взглядом, что я развернулась и ушла на цыпочках.

"Какое мне дело, - сказала я себе. - Человек женится. У него предсвадебные хлопоты".

В тот четверг всё пошло не так с самого утра. Поставщик привёз не ту плитку. Электрик уронил на ногу перфоратор. К пяти часам, когда я наконец подписала акты, снег превратился в дождь, а дождь - в потоп. Автобус не пришёл. Телефон сообщил, что электрички отменены из-за обрыва контактного провода. Приложение такси обещало машину через пятьдесят минут, потом подумало и написало: "Через час десять".

Садик закрывался в семь.

Я стояла на обочине, под мокрым козырьком будки охраны, и чувствовала, как внутри разворачивается холодная паника. Марина Сергеевна хорошая, она подождёт. Но я и так задолжала ей уже столько минут и шоколадок, что могла бы открыть кондитерскую. Соседка тётя Зина в отъезде, Лена с близнецами на другом конце Москвы, и…

Рядом мягко затормозил чёрный "Крузер". Стекло поехало вниз.

- Садитесь.

- Спасибо, Сергей Викторович, у меня такси…

- Такси не приедет. На Риге авария, стоит всё до МКАДа. Садитесь, Ольга Андреевна, вы промокли.

Я посмотрела на экран телефона. Семнадцать двадцать две. Заряд: одиннадцать процентов. Такси: через час сорок.

Я села.

Внутри было тепло. Он молча переключил печку на меня и выехал на дорогу. На мне были резиновые сапоги, от которых по коврику сразу потекла грязь. Я подтянула ноги. Он посмотрел на коврик, потом на меня, но ничего не сказал.

- Куда вас отвезти?

Вопрос был самым обычным. Я открыла рот и закрыла.

Домой. Но садик в двух дворах от дома. Он увидит адрес. Он может вообще что угодно, если захочет: у него служба безопасности и полный доступ к моему личному делу, адрес там написан… Только вот есть разница между строчкой в анкете и живым мальчиком, который бежит к маме через двор.

- Алтуфьево, - сказала я. - До метро. Там я сама.

- Это час двадцать, если повезёт.

- Мне надо успеть к семи.

Он бросил на меня короткий взгляд.

- Что там, в семь?

- Личное.

Мы въехали в хвост пробки. Красные огни уходили вдаль сплошной рекой. Дворники работали на полную, и в машине повисла тишина, густая, как цементный раствор. Секунд

сорок он молчал, и я видела, как у него на скуле медленно проступает желвак.

- Вас кто-то ждёт, - сказал он. Не спросил. Констатировал.

Я посмотрела на него. Он смотрел на дорогу.

И тут во мне проснулось что-то нехорошее. Может, это было из-за поцелуя в загородном клубе. Может, из-за "вам никто никогда не был нужен". А может, я просто ужасно устала быть правильной.

- Да, - сказала я. - Ждёт. Каждый вечер.

Пальцы на руле едва заметно сжались.

- Давно?

- Четыре года. - Я подумала и уточнила: - С половиной.

Он кивнул. Посмотрел в боковое зеркало. Перестроился, хотя перестраиваться было некуда.

- Серьёзный человек?

- Очень серьёзный, - сказала я честно. - Упрямый, невоспитанный, разговаривает только о стройке и технике. Храпит. Занимает всю кровать. Если я опаздываю, устраивает скандал. Но мне с ним хорошо. Лучше, чем с кем бы то ни было.

Я произнесла это и отвернулась к окну, потому что вдруг перестала чувствовать себя остроумной. Глаза защипало. Я поняла, что не соврала ни слова.

Сергей Ледовский молчал очень долго. Мы проползли два километра.

- Рад за вас, - сказал он наконец.

Таким тоном обычно сообщают о сносе здания.

* * *

Он довёз меня не до метро. На Алтуфьевском шоссе я попросила высадить меня у светофора, но он спросил "дальше куда?" таким голосом, что я, дура, махнула рукой: прямо. Было без шести семь. Я смотрела на часы и уже не могла думать ни о чём, кроме того, что через шесть минут Марина Сергеевна наденет пальто и останется сидеть с моим сыном в пустой раздевалке. Он сядет на скамеечку с Бульдошей на коленях и будет смотреть на дверь. Я знала, как он на неё смотрит.

- Здесь, - выдохнула я за квартал до садика. - Здесь, пожалуйста. Спасибо.

Я выскочила, не дождавшись, пока машина встанет. Дождь хлестнул в лицо. Я не оглянулась. Я побежала: через двор, мимо гаражей, срезая по лужам, в резиновых сапогах, с сумкой, бьющей по бедру.

В раздевалке горел один светильник.

- Мам! - Дима слетел со скамейки и врезался в меня головой. Он был тёплый, пах кашей и пластилином. - Ты мокрая! Ты плыла?

- Плыла, зайка. - Я стояла на коленях и держала его так, что он запыхтел. - Быстро-быстро плыла. Прости, Марина Сергеевна, простите, простите, я завтра…

- Две шоколадки, - сказала воспитательница, застёгивая пальто. - Идите уже, русалка.

Мы вышли на крыльцо. Дождь немного стих. Я застегнула Диме капюшон, взяла за руку, и мы пошли к калитке. Он рассказывал мне, что Ваня ел пластилин, а Бульдоша вырыл яму в песочнице и что яма теперь называется "котлован". Я кивала и чувствовала, как отпускает сердце. Успела. Успела.

У калитки я подняла голову.

Вдоль садовой ограды, метрах в сорока от нас, быстрым шагом шёл высокий мужчина в тёмном пальто. Без зонта. В вытянутой руке он держал что-то маленькое и жёлтое.

Лазерная рулетка. Моя. Она, видимо, выпала из сумки у него в машине.

Он шёл, оглядывая двор, и фонарь над гаражами выхватил из темноты его лицо.

Сердце у меня остановилось. Не фигурально. Я почувствовала, как оно споткнулось, замерло, а потом ударило в горло.

Сорок метров. Тридцать пять. Сейчас он повернёт голову.

Я не думала. Я подхватила Диму под мышки, рванула вбок и присела за большой мусорный контейнер, втиснувшись между его мокрым железным боком и кирпичной стеной трансформаторной будки.

- Мам?! - изумился Дима у меня на руках.

- Тс-с-с. - Я прижала его голову к плечу, и голос у меня был такой весёлый, что самой стало страшно. - Мы играем.

В прятки. Кто первый скажет слово, тот проиграл.

Дима мгновенно замолчал и округлил глаза. В прятки он играл со всей серьёзностью человека, у которого есть экскаватор.

Шаги приближались. Спокойные, размеренные, чавкающие по лужам. Пахло мокрым железом и картофельными очистками. Я сидела на корточках в грязи, обнимая своего сына, и смотрела в узкую щель между контейнером и стеной. Там был кусок асфальта, блестящий от фонаря.

Шаги остановились.

Прямо за контейнером. В трёх метрах.

Я перестала дышать. Дима у меня на руках тоже старательно не дышал и держал рот закрытым обеими ладошками, зажав под локтем Бульдошу. У Бульдоши негромко скрипнул ковш.

Тишина.

Я видела его ботинок. Дорогой, чёрный, заляпанный глиной с моей стройки. Он стоял неподвижно. И я знала, не видя, что сейчас он смотрит на тёмные окна садика. На вывеску "Детский сад № 214". На что ему здесь, рядом с садиком, в семь вечера смотреть? Какой-то квартал, какая-то ограда, какие-то качели.

Ботинок качнулся. Шаг. Ещё шаг. Обратно.

Потом хлопнула где-то дверца машины. Заурчал двигатель, и свет фар прополз по мокрой стене, а потом ушёл.

Я сидела и не могла встать. Ноги не слушались.

- Мам, - прошептал Дима мне в ухо. - А мы выиграли?

Я уткнулась лицом в его мокрый капюшон. Меня трясло, и я не знала, смеюсь я или плачу.

- Выиграли, - сказала я. - Выиграли, зайка.

- А от кого мы прятались?

- От… - Я сглотнула. - От одного дяди.

Дима подумал.

- Большого?

- Очень.

Он с важным видом похлопал меня по плечу. Точь-в-точь так, как хлопал по плечу Семёныч молодых штукатуров.

- Не бойся, - сказал мой сын. - Я его Бульдошей.

Рулетка лежала на лавочке у калитки. Аккуратно, на сухом месте, под козырьком. Он положил её так, чтобы не намокла.

Я не знаю почему, но вот тут я и заплакала.

* * *

Мама позвонила в одиннадцать, как всегда по четвергам. Дима спал. Я сидела на кухне, завернувшись в плед, с кружкой чая, в который забыла положить лимон.

- Голос у тебя нехороший, - сказала мама вместо "здравствуй". Она тридцать пять лет проработала в школе, и обмануть её не смог ещё ни один человек.

И я рассказала ей всё: бюро, Ледовский групп, Карина,

белый мрамор. Я давно собиралась и всё откладывала. Рассказала про помолвку и про мусорный контейнер. Мама слушала молча, только один раз вздохнула.

- Он знает? - спросила она, когда я закончила.

- Нет. И не узнает. Мам, через двенадцать недель он женится на ней, и я…

- Оля. - Мама помолчала. Я слышала, как у неё в Твери тикают старые часы с кукушкой. - Я тебя об одном спрошу. Ты только не кричи, ты ребёнка разбудишь. Я ведь тогда пять лет назад сделала, как ты велела. Сказала ему через цепочку, что ты не хочешь его видеть. Он потом час на лестнице стоял. Сел на ступеньку и сидел, в дорогом пальто, на нашей грязной лестнице, я в глазок смотрела. А ты на кухне сидела и ногтями стол царапала. На нём до сих пор следы.

Я сжала кружку.

- Мам, я не хочу…

- А ты дала ему шанс объясниться?

Чай в кружке пошёл мелкой рябью.

- Объясниться?! - Я всё-таки зашипела, потому что кричать было нельзя. - Мам, что тут объяснять? Я там была! Я их видела! Она стояла в его рубашке! Что он мог мне сказать? Что я не так поняла? Что это был не он?

- Не знаю, - сказала мама спокойно. - Я не знаю, Оленька. В том-то и дело. И ты не знаешь.

- Я знаю всё, что мне нужно!

- Хорошо.

- Он женится на ней! Через пять лет, мама! На ней! Значит, всё тогда было так, как я видела!

- Хорошо, доченька. Не злись. Чай пей, у тебя там лимона нет, я слышу.

Я положила трубку и долго сидела, глядя на тёмное окно. Я злилась. Я злилась так, что у меня горели щёки. На маму с её вечным спокойствием и на её дурацкий вопрос.

Потому что мне нечего было на него ответить.

Глава 7. Ночь над эскизами

Сергей

Четыре с половиной года.

Я умею считать. Это, собственно, почти всё, что от меня требуется. Пять лет назад она ушла. Значит, через полгода после нашего развода, ну, может, чуть меньше, в её жизни появился человек, который каждый вечер ждёт её к семи, храпит и занимает всю кровать.

Полгода. Я за эти полгода не помнил, как меня зовут. Я тогда построил три жилых комплекса и не мог бы сказать, какого цвета у них фасады.

- Сергей Викторович, вы хотите, чтобы мы это пересчитали? - спросил финансист.

- Что?

- Вы смотрите на эту цифру уже пять минут.

Я посмотрел на цифру. Это было в среду, в девять вечера, на сорок втором этаже нашей башни на Пресне. За стеклом лежала Москва, вся в огнях, и мне захотелось её снести.

- Пересчитайте, - сказал я и встал. - Завтра.

В лифте я посмотрел на своё отражение. Выглядел я, по выражению Олега, как рекламный плакат бессонницы. Вто-

рую неделю я спал по четыре часа. Вторую неделю я просыпался в той гостевой спальне, с цементом во рту, даже если на самом деле просыпался у себя.

С Кариной мы об этом не говорили. Точнее, говорил я, в то же утро, стоя в ванной отцовского дома с мокрым лицом:

- Что вчера было?

- Ты не помнишь? - Она тогда застегнула на себе мою рубашку ещё на одну пуговицу и улыбнулась. - Как обидно. Придётся напоминать.

Я больше не оставался с ней наедине. Я ссылался на сроки, на банк, на замминистра. Я целовал ей щёку на людях. Она не настаивала. Она вообще никогда ни на чём не настаивала, она просто ждала, как ждёт вода, что в плотине появится трещина.

Я мог поехать домой. Вместо этого я выехал на Новую Ригу.

Я не знаю зачем. Дом - единственное место, куда у меня был повод приезжать. И я не собирался признаваться даже самому себе, что еду туда, потому что там пахнет лимоном и карандашной стружкой. "Просто проверить, как идёт стяжка на втором этаже", - сказал я себе. В одиннадцать вечера. В ноябре. Конечно.

Охранник на шлагбауме откозырял, не удивившись. В "Сосновом береге" к причудам привыкли.

Дорога вдоль залива была пуста. Падал первый настоящий снег, медленный, крупный, и фары выхватывали его из тем-

ноты, как пыль в луче проектора. Я свернул к дому и заглушил мотор.

На втором этаже, в угловом окне, горел свет.

Я посидел немного, глядя на этот жёлтый квадрат среди чёрных сосен. Рабочие уезжали в шесть. Семёныч никогда бы не оставил свет. Значит, либо воры, либо…

Я вышел и тихо закрыл дверцу.

Внутри было холодно. Первый этаж уже лежал белый и гладкий, как операционная: я прошёл через него, и шаги отдавались от мрамора. Лестница. Коридор. Из-под двери в конце тянуло теплом и горелой пылью от электрического обогревателя.

Я толкнул дверь.

Комната в графике значилась как "гардеробная-2". В ней не было ничего, кроме бетонных стен, стопки рулонов утеплителя и старого обогревателя, который кто-то из рабочих притащил из бытовки. На полу, на перевёрнутом ведре, стояла лампа-переноска. На подоконнике - термос и надкусанный бутерброд.

Оля спала.

Она сидела на полу, на сложенной в несколько раз плёнке, прислонившись спиной к рулонам утеплителя. Голова склонилась к плечу. На коленях лежал большой альбом, и рука с карандашом так и застыла на листе. В волосах у неё была белая строительная пыль.

Я стоял в дверях и не мог шевельнуться.

Она всегда так засыпала. В первый год нашей жизни я раз пять находил её в три часа ночи за кухонным столом, щекой на чертеже, с отпечатком линейки на лице. Я брал её на руки и нёс в спальню, и она, не просыпаясь, бормотала что-нибудь про несущие конструкции. А утром возмущалась: "Я же не закончила!" и кидала в меня подушкой.

На ней была мужская рабочая куртка, и она всё равно мёрзла. Я видел, как она подтянула к себе ноги и как во сне спрятала пальцы в рукав.

Что она здесь делала? В одиннадцать вечера, в часе с лишним езды от Москвы, в ледяном доме? Где её серьёзный человек, который устраивает скандалы?

Я снял пальто.

Я подошёл медленно, ступая по бетону так осторожно, как, наверное, не ступал ни разу в жизни. Присел на корточки. Вблизи она выглядела совсем девочкой: тени от ресниц, пыль на щеке. И на левой скуле смазанный след карандаша. Веснушки. Тональный крем к вечеру сошёл, и они снова были здесь. Все на месте. Я помнил их наизусть.

Я накрыл её пальто. Ткань легла ей на плечи, и Оля чуть шевельнулась, вздохнула и, не открывая глаз, потянула воротник к щеке. Прижалась к нему лицом.

Я перестал дышать.

Она втянула носом воздух, и что-то в её лице изменилось. Разгладилась морщинка между бровями. Губы дрогнули в тени улыбки. Я видел эту улыбку каждое утро на протяже-

нии двух лет своей жизни и до этой секунды был уверен, что забыл её.

- Подвинься, - пробормотала она. Совсем тихо, сонно, с такой домашней, тёплой, ворчливой нежностью, что у меня сжалось горло. - Дима… ну подвинься… ты опять всю кровать занял…

Она вздохнула и затихла.

Я сидел на корточках на бетонном полу.

Дима.

Значит, Дима.

Внутри у меня ничего не произошло. Ничего не упало, не взорвалось и не оборвалось. Просто стало очень тихо и как-то просторно, как в доме, из которого вынесли всю мебель. Я медленно выпрямился. Колени хрустнули, и я испугался, что она проснётся. Но она спала, уткнувшись носом в моё пальто, и называла его именем другого мужчины.

Альбом соскользнул с её колена. Я успел поймать его, прежде чем он упал. Я хотел положить его на подоконник, честное слово. Только положить.

Но он был раскрыт.

Это была не гардеробная. И не белый мрамор.

Я прислонился к стене и поднёс лист к лампе.

Карандаш, лёгкие быстрые линии, кое-где тронутые акварелью. Она всегда рисовала так, что хотелось войти внутрь. Гостиная, этот самый зал внизу, только вместо мёртвого мрамора там было светлое дерево и большой камин. Низкий ши-

рокий диван, на котором можно валяться с книгой. Солнце на полу. Плед, небрежно брошенный на подлокотник.

Я перевернул страницу.

Кухня с большим столом, потёртым, настоящим, за которым можно есть, спорить и рисовать. Лестница: те же низкие ступени и широкие перила из гладкого дуба. Сбоку едва заметная пометка: "отполировать - съезжать!"

Следующая страница. Западная терраса, длинная пустая терраса над заливом. Она застеклила её от пола до крыши. Лимонные деревья в кадках, плетёное кресло, столик с двумя чашками. На стекле косая штриховка дождя.

У меня заломило в висках.

"Сидишь, тебе сухо и тепло, а прямо над головой ливень".

Я перевернул последний лист. Угловая комната. Вот эта, в которой я стоял. Широкий подоконник с подушками. Низкая полка вдоль стены: машинки, книжки. Кровать у окна, чтобы, просыпаясь, сразу видеть сосны. На полке, совсем маленький, нарисованный, наверное, бессознательно, чтобы показать масштаб, стоял игрушечный экскаватор.

Сбоку ничего не было написано. Ни одного размера и ни одной пометки. Такие рисунки делают не для заказчика.

Она рисовала здесь по ночам. Втайне ото всех, от Карины, от меня, в ледяной комнате на полу, не получая за это ни копейки. Настоящий дом. Тёплый. Живой. Тот, который лежал у моего ботинка на мятой салфетке. Тот, которого, как она сказала, не существует.

Дом, в котором можно быть счастливым. Для кого? Для меня и Карины? Для неё и какого-то Димы, который занимает всю кровать?

Я закрыл альбом и осторожно положил его на подоконник рядом с термосом. Отвернулся. Посмотрел в чёрное окно, на своё отражение и на медленный снег за ним.

Женщина, которая продала меня за не слишком большую сумму. Которая за полгода нашла мне замену. Которая ненавидела меня с такой силой, что за этим стояло что-то, чего я не мог понять. Которая сейчас спала в моём пальто и пахла лимоном. Через одиннадцать недель я женюсь. У меня цемент, заводы, отец. Мне тридцать пять лет.

Я ведь все пять лет считал, что вылечился.

Я долго стоял и смотрел на неё. Потом проверил, чтобы обогреватель не стоял близко к плёнке. Подвинул его на полметра. Посмотрел на термос, отвернул крышку: пусто.

Спустился вниз, вышел в снег, сел за руль. Доехал до заправки на выезде из посёлка, единственного места, которое работало в полночь. Купил большой термос, чай и, под удивлённым взглядом кассира, лимон. Попросил нарезать. Кассир нашёл нож, сказал, что это не положено, но за двойную цену положено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.